

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТИХИЯ РАЗРУШЕНИЯ

Глава первая. Защиты нет

Андрей стоял у окна заводской конторы и задумчиво глядел на серые корпуса построенного когда-то под его руководством предприятия. Сколько раз он просыпался по ночам, хватал карандаш и вносил изменения в проект. Старался, чтобы его завод приносил радость внутренним устройством и внешним видом. Чтобы работники гордились тем, что работают именно на этом предприятии. И чтобы получался доход. Себе и стране. За годы войны кирпич потерял свой нарядный вид. Во дворе образовалось немало выбоин, местами блестели водой лужи. Всюду требовался ремонт, а средств не было.

Возле открытых ворот цеха стояли и сидели на деревянных ящиках рабочие. Неторопливо курили, переговаривались, поглядывая на мастера Ефремова. Хороший специалист, этот мастер, но и он боится сказать рабочим, что пора к станкам. Поэтому ходит вокруг, своим видом напоминая, что пора кончать перекур.

Как быть? Мучил вопрос. Металла в обрез. Последней партии хватит на неделю работы. А правительственный заказ большой. И с углем проблемы.

Мысли прервал телефонный звонок. Он снял трубку.

Андрей Петрович, добрый день! Узнал? Захарыч звонит.

– Привет, привет! Какие новости?

– Хотел узнать, какие у тебя дела. Достают меня чиновники от власти. Это давай, то поставляй. Я бы и рад, да где взять! А у тебя что?

– Нечем порадовать. Поставщики не выполняют договоров. То у них персонал бастует, то дороги не справляются с грузами. Да и наши рабочие все норовят урвать побольше, а сделать поменьше.

– У меня не лучше. Хоть закрывайся. Профсоюз насаждает, требует снижения норм и новых расценок. Грозит: на тачке вывезем!

– Что думаешь делать? – прозвучало в трубке. – Раньше была власть, к которой можно было пойти за помощью. К кому теперь?

– Защиты нет никакой, Захарыч, с тобой согласен. Посуди сам, куда обращаться? В правительство? Бесполезно. Оно всего лишь власть на одну треть. Другую треть представляют Советы. При этом сами они себя властью не называют. Третья составляющая – это анархическая стихия, которая властвует по настроению и часто не подвластна ни кому. В последнее время эту треть все более стараются подчинить анархисты и большевики. Не к ним же приходиться с протянутой рукой!

– Я тоже не знаю, что делать. Раньше у нас была хотя бы экономическая власть. Не хочешь работать, так иди на улицу, держать не будем. Теперь вопросами увольнения распоряжаются всякие комитеты да профсоюзы. Какой-нибудь «пролетающий пролетарий» открыто готовит забастовку, а ты его не тронь, уважай. Поэтому случаи вывоза на грязной тачке руководителя предприятия становятся все более частыми.

– Давай думать, как этого избежать.

– Может быть, лучше тачку приготовить? Такую, чтобы чистую и с удобствами. Покатаемся с ветерком!

– За что я тебя люблю, Захарыч, так это за юмор. Но печальные мысли не дают покоя. Идет отчаянная война. Она требует полнейшей собранности, дисциплины, организованности. Противник отлично отмотилизовал свои силы. А что у нас? Десятки тысяч расхристанных солдат бродят по улицам столицы. Повсюду ничем не занятый народ. Забастовки считают не десятками, тысячами! И забастовщики еще хотят жить лучше! А цены не случайно растут опережающими темпами, работники сами к тому руку прикладывают.

– Всё они понимают, я думаю. Но себя тешат ложью, что во всем собственники и директора виноваты. Прости, дорогой. Ко мне пришли. Дело, говорят, срочное. Потом поговорим.

Андрей повесил трубку. Был уже конец трудового дня. Протяжно прогудел заводской гудок. Рабочие толпами выходили через проходную. Нужно сделать вечерний обход и тогда покидать завод.

Глава вторая. Новоженковы

Вечером Андрей направился к дому Новоженковых. Двухэтажный дом покрытый свежей штукатуркой, подчеркивал состоятельность семьи. Здесь всегда можно было остаться на ночлег. Тем более, что трамваи ходили теперь не регулярно. Извозчика тоже не всегда возьмешь.

Андрей поднялся на второй этаж. Новоженковы занимали три просторные комнаты, кроме того, у них была большая кухня. Правда, все отапливалось дровами, но это было нормальным для Петербурга.

Верочка, прислуга в накрахмаленном розовом фартуке, еще сохранившийся осколок прошлого благополучия в семье, сервировала стол. В голове у Андрея гудело. Крутились обрывки разговоров и споров. Сказывалась обстановка неуверенности в завтрашнем дне. Вспоминалось посещение Таврического дворца, куда он был приглашен как один из руководителей предприятия, связанного с оборонкой. Как-то так получается, что заседания у них начинаются во второй половине дня. А иногда, наоборот, с утра. Режим дня путается. Надоело смотреть на эти не выспавшиеся лица. Усталость накапливается.

После приветствий разговор в очередной раз зашел о положении на фронте. Сын хозяина, Новоженков Алексей, который тоже был на заседании в Таврическом дворце, говорил с обидой в голосе.

– Ты смотрел военную хронику, что показывали в Таврическом? – обратился он к Андрею. – Вот на что я обратил внимание. Наши войска приближались к линии фронта, бежали в атаку, а что у них было на головах? Верно, фуражки. Головы не защищены от шрапнели. На другой стороне окопов немцы. Они в касках. Металлических, глубоких. Получается, что их начальство печется о головах подчиненных. А ведь огромное количество смертельных

ранений именно в голову. Голова, как ни старайся, находится выше всего над землей.

– Да, я заметил. Наши ребята, часто совсем еще дети, вынуждены подставлять свои головы под пули. О чем думают доблестные генералы! Почему не заказывают каски на наших заводах? Их изготовить совсем не дорого. Это же штамповка. Французы уже два года назад стали изготавливать шлемы из металла. Вслед за ними – англичане и немцы. А мы снова в хвосте. Что скажешь, производственник? – Алексей посмотрел в сторону внимательно слушавшего Андрея.

– Я читал, наше высшее руководство притормозило обеспечение шлемами военнослужащих. Мол, не пристало русским орлам бояться вражеской шрапнели! Кроме того, когда нам работать, о касках думать, если то митинг, то демонстрация, то забастовка! Эх, посмотрели бы вы, во что цеха превратились! – грустно ответил Андрей, вспоминая, что происходило сегодня на заводе.

– Жертв много на этой войне. Миллионы. И как безопасно приблизиться к вражеским окопам, если все пространство простреливается пулеметами. Трудно добраться даже до колючей проволоки. – Алексей дирижировал себе руками. – Представьте себя в наступлении.

– Понимаю, о чем говоришь, – подхватил Андрей. – Здесь должно быть место для «железного коня». Я говорю о танках. В них наше будущее. Танк может прорваться к вражеским окопам. И колючку преодолеть. А главное, жизнь солдата сохранить. Вот чем бы надо заниматься нам.

– И только на гусеничной основе, – продолжал Алексей. – Колесные в условиях нашего климата и нашего бездорожья – пустая трата сил. Вот наши союзники, англичане и французы, времени даром не теряют. Мастерают гигантские машины.

– Да, – поддержал Андрей, – английский танк «Большой Вилли» наделал страху. Видели его в кинохронике. Чудовище, а не машина! Бежали от него даже бывалые прусские вояки. Далеко бежали. Но потом остановились. Оказалось, страшна машина, но человек страшнее.

– Может, возьмемся за ум и создадим своего «Большого Росса»? У нас металла и угля намного больше, чем у французов и англичан. И таланты есть.

– Но дури больше всего. Вот когда от нее избавимся, все получится.

Друзья продолжили рассуждения, разговор затянулся до полуночи. Впрочем, они и сами не вполне верили в достижимость того, о чем говорили.

Глава третья. В очереди

Пасмурное летнее утро. Вдоль тротуара перед входом в булочную выстроились в ряд множество женщин. Некоторые с детьми, иногда очень малого возраста. Они уныло заглядывают в лица матерей и бабушек, как бы спрашивая, ну когда уже? Попадаютоя и мужчины, в основном пожилые. Бледные от недосыпа лица. Разговор довольно нервный. Каждый поглядывает на входную дверь. Все знают, тем, кто стоит первым в очереди, что-то перепадет. Зевота одолевает.

– Кажется, мне что-нибудь достанется. Особенно трудно с четырех до пяти утра. Холодно ночью. Глаза прикрою, бегут какие-то образы. Оказывается, спала. Да что это за сон! Мы же не отдыхаем. Все урывками. Кто дремлет, кто сидя покачивается. Некоторые уходят домой поспать пару часов, пока такие как я сторожили очередь. Когда же они ее откроют! – глядя на дверь, говорила молодая женщина. – Мой вчера ушел на работу голодный. Пустого чайку попил, и все. Будет сегодня товар, или нет?

– Тебе хорошо, у тебя муж на физической работе. Положено усиленное питание. А мы, вот, преподаватели. У нас считается работа интеллигентная, значит нам и норма уменьшенная. А есть хочется, как и всем, – вмешалась ее соседка.

– Говорят, вчера давали по два фунта в руки.

– Давали, да не всем. Кто в хвосте оказался, ничего не досталось. У меня талоны на дополнительное питание пропадают.

Все поглядывали на часы. Когда стрелки часов на руке одной из покупательниц приблизились к заветной шестерке, люди зашевелились. Отовсюду в сторону двери стала проталкиваться закоченевшая толпа.

– Я за вами занимала, – громко напоминала одна.